

Р. А. МЕДВЕДЕВ

Личность и эпоха: Политический портрет Л. И. Брежнева

<Фрагменты>

Предисловие

В. И. Ленин говорил, что настоящие политические деятели не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Политика, впрочем, мало чем отличается в этом отношении от любой области человеческой деятельности. Есть много людей, которые остаются нашими современниками, хотя они умерли десятки и сотни лет тому назад. Эти люди продолжают свою жизнь не только в учебниках истории, но и в современной политике и культуре, оказывая и сегодня влияние на взгляды, чувства и поведение отдельных групп, партий, наций, а иногда и всего человечества, хотя это влияние не всегда бывает благотворным. Но есть еще больше политиков или деятелей культуры, влияние которых не переходит за границы их земной жизни. Они могут сойти с политической сцены и потерять значение для своей страны или партии даже при жизни. Это и есть то, что принято называть политической смертью. Она, как считал Тито, может оказаться для политика более страшной, чем физическая смерть. Именно эту участь уготовила судьба для Л. И. Брежнева. В силу стечения многих обстоятельств он занимал почти двадцать лет очень важный политический и государственный пост и играл немалую роль в международной политике и в жизни страны. Он заслужил несколько строк или даже несколько страниц в учебниках истории, но был личностью столь посредственной и политиком столь заурядным, что ему было бы трудно рассчитывать на слишком долгую политическую жизнь. И действительно, Брежнев быстро сошел с политической сцены не только в прямом, но и в переносном смысле.

Еще в 50-летнем и даже 60-летнем возрасте Леонид Ильич жил, не слишком заботясь о своем здоровье. Он не отказывался от удовольствий, которые может дать жизнь, но которые далеко не всегда способствуют долголетию.

Первые серьезные проблемы со здоровьем появились у Брежнева, видимо, в 1969–1970 годах. Около него стали постоянно дежурить врачи, и в местах, где он жил, были оборудованы медицинские кабинеты. В начале 1976 года Брежнев находился в состоянии клинической смерти. Однако его удалось вернуть к жизни, хотя в течение двух месяцев он не мог работать, ибо его мышление и речь были нарушены. С тех пор рядом с Брежневым постоянно находилась группа врачей-реаниматоров с необходимым оборудованием. Хотя состояние здоровья наших лидеров относится к числу тщательно охраняемых государственных тайн, прогрессирующая немощ Леонида Ильича была очевидна для всех, кто мог видеть его на экранах телевизоров. Американский журналист Симон Хэд писал: «Каждый раз, когда эта тучная фигура отваживается выйти за кремлевские стены, внешний мир внимательно ищет симптомы разрушающегося здоровья. Со смертью М. Суслова, другого столпа советского режима, это жуткое пристальное внимание может только усиливаться. Во время встреч с Гельмутом Шмидтом в ноябре 1981 года Брежнев едва не падал при ходьбе и временами выглядел так, как будто не сможет протянуть и дня»*.

В сущности, он медленно умирал на глазах всего мира. В последние шесть лет жизни у него было несколько инфарктов и инсультов, и врачи-реаниматоры несколько раз выводили его из клинической смерти. В последний раз это произошло в апреле 1982 года после несчастного случая в Ташкенте¹.

Разумеется, болезненное состояние Брежнева стало отражаться и на его способности управлять страной. Он был вынужден часто прерывать выполнение своих обязанностей или перекладывать их на непрерывно растущий штат личных помощников. Рабочий день Брежнева значительно сократился. Он стал выезжать в отпуск не только летом, но и весной. И постепенно перестал разбираться в том, что происходит вокруг. Однако множество влиятельных, глубоко разложившихся, погрязших в коррупции людей из его окружения были заинтересованы в том, чтобы Брежнев время от времени появлялся на людях хотя бы как формальный глава государства. Они буквально водили его под руки и достигли худшего: старость, немощ и болезни советского лидера стали предметом не столько сочувствия и жалости его сограждан, сколько раздражения и насмешек, которые высказывались все более открыто.

Еще 7 ноября 1982 года во время парада и демонстрации Брежнев несколько часов стоял, несмотря на плохую погоду, на трибуне Мавзолея, и иностранные газеты писали, что он выглядел даже

* New York Review. 1982. 4 марта.

лучше обычного. Конец наступил, однако, всего через три дня. Утром во время завтрака Леонид Ильич вышел в свой кабинет что-то взять и долго не возвращался. Обеспокоенная жена пошла из столовой за ним и увидела его лежащим на ковре возле письменного стола². Усилия врачей на этот раз не принесли успеха, и через четыре часа после того, как сердце Брежнева остановилось, они объявили о его кончине. На следующий день, 11 ноября, ЦК КПСС и Советское правительство официально оповестили мир о смерти Л. И. Брежнева.

За те годы, в течение которых Брежнев стоял во главе КПСС и Советского государства, в Соединенных Штатах сменилось пять резидентов. Один из них, Ричард Никсон, встречавшийся с советским лидером чаще других, писал в своей книге «Лидеры», что Брежнев, по его мнению, был человеком властным, честолюбивым и беспощадным, который при «иных режимах» мог бы претендовать на титул «Леонида Великого» — по аналогии с царями Иваном IV и Петром I. Но эта оценка ошибочна. Леонид Ильич Брежнев не был великим политическим лидером, и его трудно вообще назвать лидером в наиболее точном смысле этого слова. Ни в молодые, ни в зрелые годы у Брежнева не было какой-либо ясной политической цели, достижению которой он хотел бы посвятить свою жизнь. Он почти всегда следовал за другими, принимая их цели, их идеи и их руководство. Он был человеком второго или даже третьего плана и не стремился к выдвижению на первые роли, а тем более к неограниченной власти. Он был тщеславен, но не особенно честолюбив. Брежнев не пробивался вперед, используя все дозволенные и недозволенные средства. Его продвигали вперед другие, и в этом, может быть, таится загадка его столь необычной карьеры.

В западной «кремлелогии» часто можно встретить утверждения, согласно которым любой советский политик, который становится лидером партии и государства, должен вначале пройти долгий путь жестокой и трудной борьбы со всеми своими конкурентами. Успеха в этой борьбе может достигнуть только такой человек, который обладает незаурядными умственными способностями, сильной волей, жестокостью, ловкостью и даже коварством аппаратчика, отличным знанием не только всех «коридоров», но и «закоулков» специфической кремлевской системы власти. Он должен уметь искусно манипулировать людьми, подчиняя себе одних, изгоняя или даже физически уничтожая других. В многочисленных статьях о Брежневе, которые появились в мировой печати в первые дни после его смерти, можно найти немало высказываний о нем, как о «сильной личности», «великом мировом лидере», как о человеке,

с «сильным интеллектом», «умело и тонко обыгрывающем своих противников». Здесь можно прочесть слова о «хищных и холодных» или «жестоких и леденящих» глазах Брежнева.

Еще задолго до смерти Брежнева один из его первых западных биографов Джон Дорнберг писал:

«Брежнев является ветераном более чем сорокалетней потасовки советского стиля... Благодаря тому времени, когда Сталин был единственным правителем партии и всей страны, Брежнев стал продуктом сталинской эры, образцом политической трезвости, жестокости и инстинкта самосохранения, воспитанным и извращенным этой эпохой. Подобно Хрущеву, у которого он учился политически ориентироваться, он был мастером искусства патронажа... Но в то время как Хрущев наделал много ошибок, которые и определили его падение, Брежнев сделал их мало, если вообще сделал... Он консервативен, расчетлив и осторожен... Уроки, которые он усваивал по мере продвижения по политической лестнице, хорошо служат ему и сегодня. Подобно Ленину, Сталину и Хрущеву, которые правили перед ним, он является манипулятором людей и искусен в использовании партийного аппарата так, чтобы он работал на него...

Следует считать, что правление в Кремле аналогично тому, которое осуществляется над стадом диких животных. При известных условиях сильнейший одерживает верх. Именно господство он и должен защищать от новых и более молодых, претендующих на престол и бросающих ему вызов. До сих пор Брежнев ловко маневрировал, чтобы нейтрализовать вызов, укомплектовывая коллектив своими сторонниками... Борьба за то, чтобы достичь верха и остаться наверху, — это и есть история жизни Леонида Ильича Брежнева»*.

Эта характеристика неверна не только в том, что касается методов правления в Кремле, она тем более ошибочна, когда Дорнберг предлагает руководствоваться подобной характеристикой при оценке личности и жизненного пути Брежнева.

Официальная биография Л. И. Брежнева называла его «выдающимся деятелем Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения» и руководителем ленинского типа, олицетворением ленинской принципиальности, последовательного интернационализма, самоотверженной борьбы за мир и социальный прогресс**.

Выступая 12 ноября 1982 года на Пленуме ЦК КПСС с выражением искренней скорби по поводу смерти Брежнева, К. У. Черненко говорил о выдающихся способностях, остром уме и исключительном мужестве Брежнева, о его находчивости, требовательности

* *John Dornberg. Brezhnev: The Masks of Power.* N. Y., Basic Books, Inc. Publishers. 1974. P. 19, 34.

** *Л. И. Брежнев.* Краткий биографический очерк. М., 1981. С. 3–4.

к подчиненным, нетерпимом отношении ко всем проявлениям бюрократизма и т. п. С тем же основанием Черненко мог бы сказать и о «выдающемся литературном даровании» покойного (не зря же он получил Ленинскую премию по литературе), о его «глубочайшей научной эрудиции» (не зря же он получил от Академии наук СССР Золотую медаль Карла Маркса), о его «исключительных заслугах» как полководца Отечественной войны (не зря же он был награжден орденом «Победа» — высшим полководческим орденом СССР) или о его «замечательном ораторском искусстве» (не зря же он так часто «радовал» всех нас продолжительными докладами и речами).

Но дело не только в том, что Брежнев никогда не был тем, кого принято называть «великой» или «сильной» личностью. С точки зрения интеллекта и темперамента и с чисто карьеристской точки зрения Брежнев никогда не был даже выдающимся человеком. Если бы мне нужно было давать предельно краткую характеристику Брежнева, то я сказал бы о нем как о посредственной и слабой личности. Это был, в сущности, скучный и малоспособный бюрократ, не имевший ни какой-либо большой мечты, ни интересных идей и планов, ни оригинального стиля. У него не было, к несчастью, и следа политического гения Ленина. У него не было, к счастью, и злобного властолюбия, жестокой мстительности и сверхчеловеческой силы воли Сталина. У него не было, к сожалению, и исключительной самостоятельности, самобытности, живости характера, огромных реформаторских замыслов и громадной работоспособности Хрущева. И Ленина, и Сталина можно было бы называть харизматическими лидерами, т. е. людьми, которые в глазах их последователей обладали особыми качествами исключительности и даже сверхъестественности и непогрешимости. Элементы харизматического лидера сохранились и у Хрущева, но у Брежнева их не было. И по характеру, и по интеллекту Брежнев был несамостоятельным, нерешительным и неглубоким человеком, к которому с немалой долей пренебрежения относились даже его ближайшие соратники. Они шли за Брежневым не потому, что верили в его исключительность, а потому, что им в данный момент это было выгодно. Эти оценки можно использовать не только для того времени, когда Брежнев был уже тяжело болен, но и для того периода, когда у него не было особых проблем со здоровьем.

Если бы сложившееся в 1964 году и во многих отношениях случайное сочетание политических течений, групп и личных амбиций членов Президиума и Секретариата ЦК КПСС не привело к выдвижению Л. И. Брежнева на пост Первого секретаря ЦК КПСС, то в 70-е и в 80-е годы о нем говорили бы не больше, чем

говорят сегодня о таких людях из окружения Н. С. Хрущева, как Ф. Р. Козлов, Д. С. Коротченко, Д. С. Полянский, А. И. Кириченко, К. Т. Мазуров, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, и других.

Даже после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года фигура Брежнева не вызвала особого интереса ни внутри страны, ни за ее пределами. Значительная часть партийного аппарата видела в Брежневе промежуточную фигуру, на его выдвижение смотрели как на временный компромисс, который сохранится только до тех пор, пока в партийном руководстве не определится новый и безусловный лидер. <...>

О нем почти перестали вспоминать как о политической фигуре теперь, через несколько лет после его смерти³.

Конечно, замалчивание и искажение прошлого является хотя и парадоксальной, но типичной чертой советской исторической и политической науки. Сталин пытался исказить и замолчать деятельность Ленина. Хрущев не особенно поощрял статьи и книги о Сталине, и даже большая «секретная» речь Хрущева на XX съезде не публиковалась в СССР более тридцати лет. Имя Хрущева почти не упоминалось в годы правления Брежнева. Но и имя Брежнева стало исчезать со страниц газет и журналов уже через две-три недели после его смерти. И дело не только в тех указаниях «сверху», которые, несомненно, получили все редакторы. О Брежневе советские люди мало вспоминают и в неофициальном порядке. Жители Брежневского района Москвы или города Брежнева в Татарии были очень недовольны этими поспешными переименованиями, ныне отмененными. О Брежневе все меньше говорят и вспоминают в любой советской семье, его портретов и раньше никто не вывешивал в частных домах и квартирах, теперь же его образ быстро исчезает и из сознания народа. Мы присутствуем ныне не столько при «демонтаже» культа Брежнева, который безуспешно насаждался в нашей стране в течение столь многих лет, сколько при политическом угасании Брежнева, которое происходит быстрее, чем происходило его физическое угасание. Москвичи проходят с полным равнодушием мимо мемориальной доски на доме, где жил Брежнев, и, наверное, никто, кроме родных, не приносит цветов на его могилу.

Можно сказать заранее, что литература о Брежневе как государственном деятеле и как человеке не будет значительной⁴. Но все же ни история, ни историки не смогут пройти мимо темы Брежнева и брежневизма, ограничившись лишь несколькими строчками в своих книгах. Во многих отношениях карьера и личная судьба Брежнева являются крайне поучительными. Этот человек стоял во главе одной из самых больших стран мира на протяжении восем-

надцати лет, и многие из изменений, которые произошли в нашей стране и в мире за эти годы, свершились не без его участия или, напротив, безучастия.

<...>

Историки и публицисты ищут название для времени Брежнева: «эпоха подхалимажа», «времена вседозволенности и бюрократизма», «эпоха торможения и застоя», «геронтократия». Пожалуй, подходит любое из этих названий.

Но разве все было так плохо у нас во времена Брежнева? Разве не называли мы 70-е годы самым спокойным десятилетием в истории СССР? Да, но это было спокойствие застоя, когда проблемы не решались, а откладывались, и тучи продолжали сгущаться. Разве не были 70-е годы временем «детанта»? Да, но это была слишком хрупкая разрядка, результаты которой мало кто ощущал уже в 1980 году, т. е. еще при жизни Брежнева, Разве советские люди в начале 80-х годов не жили лучше, чем в начале 60-х? Да, жизнь улучшалась, но крайне медленно, если иметь в виду широчайшие массы крестьян, рабочих и служащих. При этом рост разного рода денежных выплат намного превышал темпы роста производства товаров для населения, жилищного строительства и услуг. Разве Советский Союз не достиг при Брежневе паритета с Америкой в области стратегических вооружений? Да, эта цель была достигнута, но слишком большой ценой для нашей экономики и на слишком высоком уровне — далеко за пределами разумной достаточности. К тому же гонка вооружений продолжалась, истощая страну.

Советский Союз оправился от ужасов сталинского террора. Однако в меньших масштабах незаконные репрессии против инакомыслящих проводились и при Брежневе, сохраняя в обществе атмосферу «умеренного» страха, поддерживаемую к тому же постоянными попытками реабилитации Сталина. Правда, важно отметить и тот факт, что только с 60-х годов в нашей стране стали вообще возможными возникновение диссидентства⁵ и его неравная борьба со всемогущим государственным аппаратом.

В стране не было не только торжества законности, но и элементарного порядка. Везде усиливалась бесхозяйственность, безответственность и атмосфера вседозволенности. Все более открыто и нагло заявляла о себе разлагавшая общество коррупция, а злоупотребления властью и хищения в крупных и мелких масштабах становились нормой жизни. Во всех сферах общественной и государственной деятельности — от партийного руководства в центре и на местах до редакций литературных журналов и руководства творческими союзами — насаждалась атмосфера групповщины, круговой поруки, nepотизма и мафиозности.

Нежелание и неумение хорошо работать, политическая пассивность и апатия, нравственная деградация десятков миллионов людей, повсеместное господство посредственности, разрыв слова и дела и поощрение всеобщей лжи — все это искало сознание целого поколения, которое мы называем порой не без основания «потерянным поколением». С этой точки зрения общие последствия брежневщины оказались не менее тяжелыми, чем сталинщины. Страна и общество зашли в тупик, и мириться с этим более было нельзя.

История повторяется дважды, говорил Гегель: один раз как трагедия, другой раз как фарс. Маркс любил повторять эти слова. Сталинщина была трагедией. Брежневщина была, конечно, фарсом, но с примесью трагедии. Критика брежневщины звучит сегодня очень резко, но она касается всей эпохи застоя, а не отдельных и наиболее видных ее представителей и создателей: не сказана еще даже малая часть правды о злоупотреблениях не только Брежнева, но даже Рашидова, Гришина, Романова, Кунаева, Черненко и других. Д. Гранин так отмечает характерные черты поздней брежневщины: «Истовая работа спецов, подхалимов всех рангов ограждала от жизни народной, приносила плоды прежде всего им самим. Угодничество настаивало: великая страна должна иметь великого вождя. И стали изготавливать великого. Дутые заслуги соответствовали дутым сводкам, цифрам. Это усваивали по ступенькам, этаж за этажом. Благие намерения, с каких все началось в 1965–1966 годах, постепенно сменялись бесконечными речами. Механизмы печального этого процесса стоило бы подробнее разоблачать историкам»*.

Историки работают долго, и я думаю, что политики их опередают. Режим Брежнева пугал всех своей иррациональностью: трудно доверять политической группе, которая управляет великой страной по принципу «после нас хоть потоп». Физическая смерть Брежнева проходила долго и мучительно на глазах всего мира. Теперь пришло время его политической смерти. Но это не повод для того, чтобы молчать о Брежневе. Чтобы окончательно покончить с его наследием, недостаточно только снять вывески с его именем с улиц городов, площадей и районов. Поэтому я только могу присоединиться к призыву простого рабочего Н. К. Козырева: «Нужно открыть форточку не только в страшные 30-е, но и в удушливые 70-е годы»**.

Можно понять тех западных наблюдателей, журналистов и ученых, которые интересуются в первую очередь М. С. Горбачевым,

* Московские новости. 1987. № 45. С. 12.

** Огонек. 1988. № 10. С. 4.

а также той новой группой советских руководителей, которые занимают ныне места на капитанском мостике корабля под названием «СССР». Начался новый период в истории нашей страны, и уже сейчас ясно, что он будет гораздо интереснее и важнее периода Брежнева. Но тень Брежнева будет еще долго стоять над новыми лидерами, а наследие брежневизма — еще долго оказывать влияние на события ближайших лет и даже десятилетий. Поэтому сколь бы серой и посредственной не представлялась нам личность Брежнева, его жизненный путь и его эпоха требуют внимательного анализа. Исходя из этого, я считаю нелишним попытаться нарисовать политический портрет Л. И. Брежнева, а также дать краткий анализ основных событий его эпохи. На суд читателя выношу первую книгу дилогии, которая охватывает события до 1970 года.

